

Литературная газета

№ 12 (503)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Четверг, 28 февраля 1935 г.

К ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ ССП

Историческое решение ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. обеспечило самые благоприятные условия для развития нашей литературы. На основе этого решения, после тщательной, двухгодичной подготовки, был проведен, под руководством ЦК ВКП(б), всесоюзный съезд советских писателей. Съезд подвел итоги и наметил конкретные задачи, которые стоят сейчас перед нашей литературой. Да, руководящая линия и ясно сказано, что должны делать наши писатели, чтобы оправдать почетное звание советского писателя, чтобы советская литература стала подлинно мировой литературой. Решения и требования съезда писателей в одинаковой мере относятся к беллетристам, поэтам и драматургам, к молодым и уже сложившимся писателям. Эти требования и выводы в неменьшей мере относятся и к нашей КРИТИКЕ, хотя последние и не была представлена особым докладом на съезде. Не случайно центральным пунктом повестки дня открывающегося послезавтра пленума правления ССП являются вопросы критики.

Всем ясны задачи и цели нашей критики. Анкисмой является, что по своим идеалам и принципам критика наша стоит неизмеримо выше превращенной русской критики и критики капиталистических стран, что критика наша свободна от духа торгашества, что она высоко идейна и служит делу социализма. Не из одних анкисм литературной критики — наподобие геометрии — не построено. Необходимо еще указать и проанализировать основные недостатки нашей критики, приводящие ее к отставанию и нередко к пренебрежению со стороны писателей. Правда, и при этом не следует забывать, что критика наша свободна от духа торгашества, что она высоко идейна и служит делу социализма. Не из одних анкисм литературной критики — наподобие геометрии — не построено. Необходимо еще указать и проанализировать основные недостатки нашей критики, приводящие ее к отставанию и нередко к пренебрежению со стороны писателей. Правда, и при этом не следует забывать, что критика наша свободна от духа торгашества, что она высоко идейна и служит делу социализма.

Всем ясны задачи и цели нашей критики. Анкисмой является, что по своим идеалам и принципам критика наша стоит неизмеримо выше превращенной русской критики и критики капиталистических стран, что критика наша свободна от духа торгашества, что она высоко идейна и служит делу социализма. Не из одних анкисм литературной критики — наподобие геометрии — не построено. Необходимо еще указать и проанализировать основные недостатки нашей критики, приводящие ее к отставанию и нередко к пренебрежению со стороны писателей. Правда, и при этом не следует забывать, что критика наша свободна от духа торгашества, что она высоко идейна и служит делу социализма.

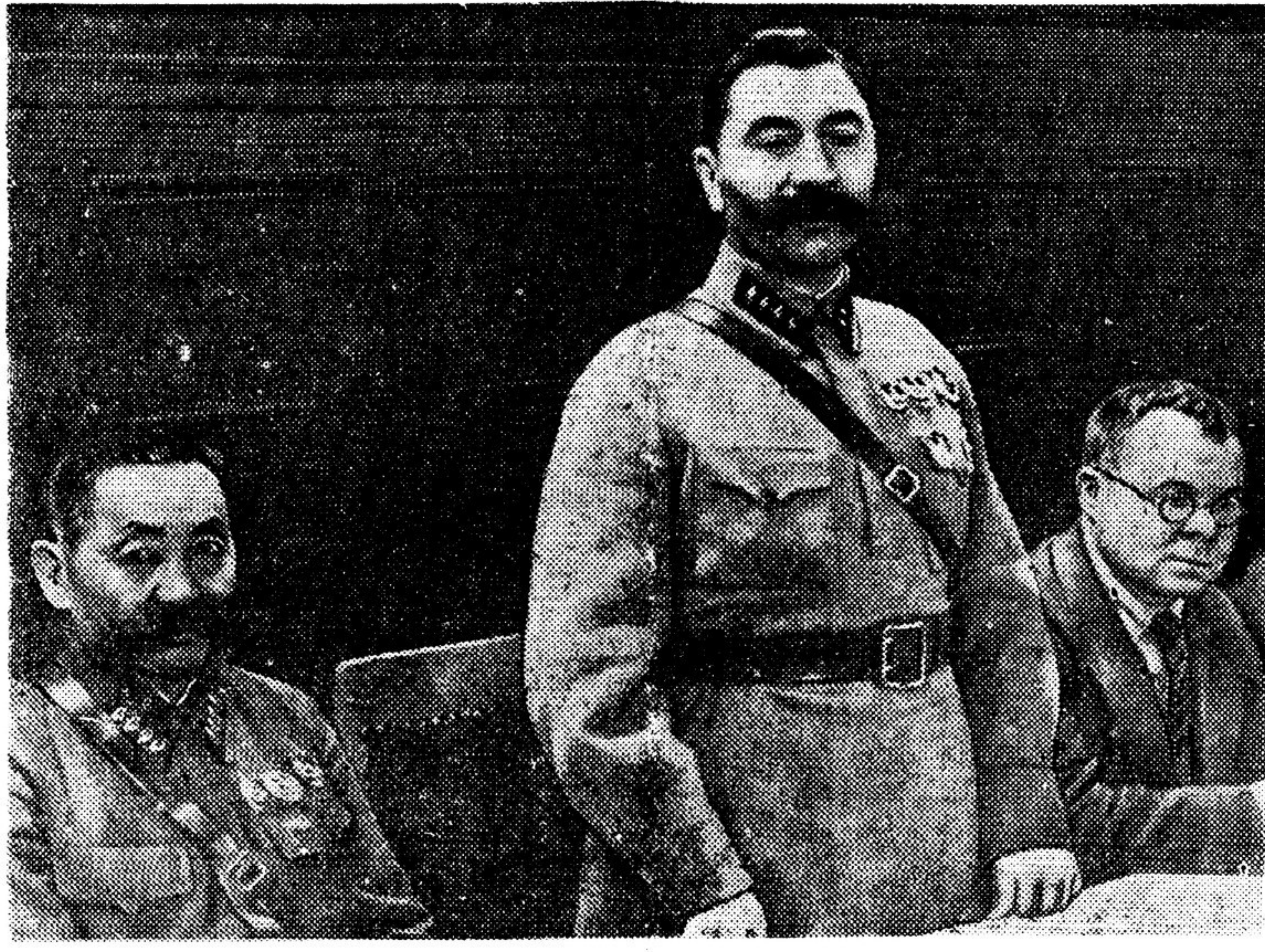
нас до сих пор критики работают от случая к случаю, крохоборствуют и размениваются на мелочи. Но ведь только для жалкого мнялы сто медных копеек равнозначны одному серебряному рублю!

Мы прекрасно знаем как складывается руководство нашим литературным движением. Главная роль здесь, — как и всюду, — принадлежит нашей партии. Но что хорошо организованый отряд наших критиков способствовал бы ускорению темпов нашего литературного роста, был бы значительным орудием в руках партии — это бесспорно. Вся беда в том, что критики наши сами плохо организованы, что, находясь у большого дела, они ищут — и часто не находят — дела, достойного нашей критики, дела, которое бы со всей необходимостью встряхнуло и подняло критиков, вывело их из загона литературщины и вузовщины.

Методы коллективной работы, столь ревностно пропагандируемые А. М. ГОРЬКИМ, в первую очередь надо принять для наших критиков. А поработать коллективно, учась, растя идейно, в том числе и от взаимных принципиальных столкновений друг с другом, — есть над чем. Справедливо говорят, что критик прежде всего должен знать историю литературы. Между тем у нас нет ни истории советской литературы, ни марксистско-ленинской истории буржуазной (не говоря уже о феодальной, античной) литературы. В уставе ССП записано, что основным методом советской литературы является метод социалистического реализма. Увы, в смысле филологической разработки этого метода до сих пор ничего почти не сделано, если не считать опять таки крохоборческих и подчас пошлых статей в наших журналах на эту тему. А критик должен знать историю литературы, историю культуры, историю языка, образ, характер, жанр и т. д. и т. п. — разве приведены все они у нас в творческом движении, разве ведутся по этим вопросам горячие споры? Разве пишется коллективно, хотя бы учебник по теории литературы, по поэтике, столь необходимый для литературного молодняка? Увы, нет.

Пленум правления ССП должен особенно конкретно и четко поставить вопросы организации наших критиков, указать реальные, первоочередной важности задачи, стоящие перед нашей критикой, поручить определенное дело как отдельным критикам, так и их коллективам.

Вольтер в свое время писал: «Превосходный критик — это художник, обладающий большими знаниями и вкусом, без предвзятости и зависти. Но это трудно найти». Вместо этого Вольтер констатирует изобилие литературных новеллов, единственным принципом которых является: «надо же жить». То было на заре капитализма. Теперь мы наблюдаем его зачат. Литературных новеллов в буржуазной литературе стало еще больше. Но тем обиднее для нас, литераторов социалистического общества, конкретизировать вольтеровский идеал «превосходного критика» и доказать, что для большевиков не существует: cela est difficile à trouver (это трудно найти).

Тов. С. М. БУДЕННЫЙ на вечере встречи командиров 1 Конной армии с писателями. Слева — т. ГОРКОВИКОВ (б. нахид 4, ныне пом. командующего Среднеазиатским военным округом), справа — писатель ВСЕВОЛОД ИВАНОВ.

КОННОАРМЕЙЦЫ У ПИСАТЕЛЕЙ

НА ВСТРЕЧЕ В ДСП 25 ФЕВРАЛЯ

Вот они — живые герои, творцы истории, легендарных побед на военных фронтах революции: железный командир Семен Михайлович Буденный, б. член реввоенсовета Первой Конной т. Шаденно и их славные соратники — Гороховиков, Тимошенко, Косогов, Зотов, Сердич, Аланасенко, Попов, Рябшнев, имена которых неразрывно и навсегда связаны с самыми героическими датами организации и «похода Красной конницы». Дела каждого из них — никакого преувеличения не было в этих словах бывшего нач. штаба 4-й кав. дивизии и нынешнего пом. инспектора кавалерии РККА т. Косогова — дела каждого из них это не только блестящая страница гражданской войны, это целая глава, а иногда и насыщенная до пределов драматизма книга. Лично они очень скромны и сдержанны. Рассказывая о великих событиях, решавших участь революции, они стараются воссоздать перед писательской аудиторией лишь общие в их боевой судьбе моменты и тщательно уходят от элементов «апонографии».

Но из всей совокупности отдельных эпизодов, броских штрихов, всеобщих формулировок, то и дело вклинивающихся в спокойное и деловое течение рассказа, неизбежно возникает яркое впечатление об изумительном своеобразии жажшегого дуть, прощедного каждому из этих бойцов.

Могли ли писатели, присутствовавшие на этой замечательной встрече, не почувствовать, что раскрыты в художественной полноте каждую из этих биографий — значит раскрыты и показать источники того интуитива, который диктует нашими мыслями, доказать неизбежность полной, абсолютной победы сил, борющихся за построение социализма в нашей стране? И еще одно должны были понять писатели: дать настоящие, полноценные книги об этих людях — значит дать художественное обобщение грандиозного опыта революционных боев, опыта, который необходимо сохранить для молодых поколений пролетарских бойцов.

Ни одно положение не выдвигалось всеми соратниками тов. Буденного с таким упорством, с такой заботливостью, как именно это. Особенно внимательно подходит к этой проблеме сам тов. Буденный — после того, как он дает блестящий анализ зна-

чения конницы в мдухивных и в будующих войнах и глубокому характеристике роли тов. Сталина в организации Конармии.

— Вся героика этой эпохи, — говорит Семен Михайлович, — должна быть отражена в художественной литературе для того, чтобы наша молодежь могла вдохновляться примерами революционной отваги, находчивости, инициативы. Много ли вы товарища писателя, которые в этом направлении? Материал, что называется, под ногами валяется, — нагнись да зачеркни! Но вы редко ленитесь порыться в архивах да потюкаться всерьез с живыми участниками этих событий. Как часто только облетая страница гражданской войны, это целая глава, а иногда и насыщенная до пределов драматизма книга. Лично они очень скромны и сдержанны. Рассказывая о великих событиях, решавших участь революции, они стараются воссоздать перед писательской аудиторией лишь общие в их боевой судьбе моменты и тщательно уходят от элементов «апонографии».

Не должно этого быть! Нужно систематически осваивать материал эпохи гражданской войны, политически и художественно его осмысливать, чтобы все виды советского искусства — и литература, и экран, и театр — сумели стать в руках партии великим воспитательным и мобилизующим средством.

Достичь реальных результатов в этом направлении может, конечно, лишь писатель, которого характеризует глубоко активное отношение ко всей нашей действительности, в частности, к жизни Красной армии. Писатели же «соборники», как яростно-ски называют определенную разновидность литературных деятелей тов. Гороховиков, никогда не выйдут из существования в не в состоянии будут стимулировать ни глубокой мысли, ни серьезного действия.

— В конце концов, что от вас требуется? — обращается к писателям т. Зотов, один из старейших по возрасту соратников Буденного: — Вот беседа я и на-днях с т. Ворошиловым на эту тему, и пришла мы и выводом, что неоптимально услужу оказались бы вы, художники слова, делу революции, если бы сумели воспроизвести правдивую картину жизни и борьбы Конармии; правду, одну только правду об этих незабываемых днях, без прикрас, без идеализации, — и это будет потрясающей силы документом о том, как народные массы дрались под знаменем Ленина и Сталина за революцию...

«Бойцы вспоминают минувшие дни»... Обо многом им пришлось уже неоднократно говорить, многое же внезапно выступает из самых потаенных уголков памяти, и серия воспоминаний о Красной армии неожиданно обогащается новыми фактами, забытыми деталями, такими красочными и характерными. Аудитория часто прерывает ораторов бурными аплодисментами, восторженными возгласами. Это происходит не только тогда, когда речь идет о сокрушительных операциях против белых, но и в тех случаях, когда приводятся факты, проливающие «божовой» свет на все обстановку Конармии, на взаимоотношения командного состава и всей массы бойцов, на действия организаторов и бойцов Красной конницы. Такие детали облегчают художнику процесс воссоздания «целого», воссоздания картины жизни и быта всей Красной армии, наконец, процесс усвоения исторической роли тов. Сталина и его ближайших соратников в организации побед над бело-гвардейщиной.

Советский писатель не должен пытаться гигантских масштабов этой эпохи: лопать ее основные движущие силы, он должен смело дунуться на художественное «овладение» ею. В этом смысле, — писателем не вредно было бы последовать примеру художника Гренова, вся сила которого была в том, что он, перекрестком определенно Буденного, на фронте искусства спомел в атаку, как истый конноармеец! Но это, конечно, не значит, что сложную проблему искусства можно разрешать с наскака.

— Нет, — подчеркивает т. Шаденно, — такие методы неизбежно ведут к галлюрпе, к одним только идеологическим вывескам. Не следует забывать, что и на художественном фронте победу надо организовывать. Уничтожьте остатки групповой сплоченности в искусстве, создайте мощную, спянный коллектив, в котором скромность уживалась бы рядом с творческой отвагой, преданность делу — рядом с глубокой идейностью, — особенности, обеспечившие нам победу над всеми врагами, — и вы создадите великую, подлинно социалистическую литературу!

ДЕЛЬМАН

ВЕЛИКИИ ПАМЯТНИК НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Сто лет назад, 28 февраля 1835 г., вышло первое краткое издание «Калевалы». Сто лет прошло со времени появления крупнейшего памятника карельского народного творчества, одного из выдающихся сокровищ мировой художественной литературы. Многие сотни лет создавались руны «Калевалы», поколения народных поэтов, сказителей и певцов творили эту замечательную поэму, в которой с такой необыкновенной яркостью отражены природа северной Прибалтики, экономика и общественная жизнь ее народов.

Вслед за первым собирателем рун «Калевалы» Эдласом Ленротом ряд исследователей продолжали работать над карельским фольклором, составившим «Калевалу», но богатства ее не исчерпали и по сей день. В советской Карелии идет энергичная и плодотворная работа над дальнейшей популяризацией фольклорного богатства.

Естественно, что «Калевала» не является и не является мертвой запиской, лишенной классовой направленности. Наоборот, в ней отражены различные классовые, социально-экономические влияния и взаимодействия, которые сказались и в дальнейшем, при использовании «Калевалы». Финская буржуазия всегда пыталась поставить «Калевалу» себе на службу, использовать ее как орудие развития национализма и шовинизма, фашисты и социал-фашисты современной Финляндии пытаются и сейчас сделать «Калевалу» знаменем своих агрессивных империалистических устремлений и притязаний на советскую Карелию. Белофинские палачи и офицеры присва-

ивали себе имена героев «Калевалы», когда в 1921 г. хотели заточить в кювы тулящихся Карелия.

Финляндские фашисты не изменились и сейчас. Именно поэтому они широко отмечают столетие «Калевалы», насколько не заботясь, однако, о действительном поощрении народного творчества, ничего не делая для того, чтобы продолжить дело собирания рун.

Лишь в нашей стране, и особенно в советской Карелии, «Калевала» получает свою подлинную оценку. Личь в нашей стране продолжается научная работа над «Калевалой», она издается и переиздается, собираются и записываются новые руны.

Карелия является подлинной родиной «Калевалы», как это ни страшно опровергнуть буржуазные литературоведы и те из советских исследователей, которые волюю или поволью оказываются в их плену. И трудящиеся советской Карелии, а с ними и всей Советской страны, с почтением и уважением отмечают дату столетия «Калевалы».

«Калевала», как и много другое, является нашим орудием в строительстве национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, в развитии народного творчества.

«Начало искусства слова — в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его», — эти слова А. М. Горького из первого всесоюзном съезде советских писателей являются не только призывом, но и отражением реального отношения к народному творчеству в стране социализма.

НАША „КАЛЕВАЛА“

Я стою на берегу синеватого озера Куйто. Веселый звон бубенчиков слышен мое внимание: с песнями и гимназиями проехали по дороге сани.

— Кто это едет? — спросил я у спутника. Это ехали сваты. Готовилась большая свадьба. И я прислушался к знакомому мотиву...

Нет, это не была привычная унылая деревенская песня, это была песня не из свадебного обряда. Сваты громко, с каким-то особым упованием пели.

«По долинам, по заргорям Ша дивизия вперед». Долго еще раздавались их голоса над озером в огромной тишине бесконечных песков... Когда они замерли вдали, я подошел к одному стоящей, широко раскинувшей свои нагруженные снегом ветви сосне.

Сосна эта была обгорелая невысоким деревенским пожаром. Я прочитал наведенную на дощечке надпись. Это была та самая сосна, под которой доктор Ленрот сто лет назад записывал руны, ставшие впоследствии «Калевалой». Теперь эта сосна охраняется трудящимися Ухты как памятник.

Это была не дарственная запись, но взятое с бою наследство. В дни гражданской войны и кулацко-финской авантюры 1921-22 года именем Калевалы звали в трудящихся интересны; с помощью национального народного эпоса пытались утвердить эксплуататоры свое господство над народом.

Один из кулацких кулацко-ухтинского правительства, себодорный торговец из Тунгулы, называл себя ВЕИНЕМЕЙНЕН; под этим именем он и выступал перед крестьянами и вел заседания правительства.

Командующий вооруженными силами белофинско-карельского восстановления, поручик финской службы Ганкинен, подписывал свои разбойничьи приказы именем героя «Калевалы» легендарного кузнеца Ильмаринена.

Один из белофинских батальонов носил на своем знамени имя Калевалы. Но в то время, когда наши враги ПРИКРЫВАЛИСЬ этими реликвиями народного творчества и рассчитывали разбудить этим шовинизм, трудящиеся СОВЕТСКИИ подлинными подвигами, достойные нового великого эпоса.

Лыжный отряд Интернациональной военной школы прошел в метели и выги через непроходимые чащи и буреломы, преодолел крутизны и скалы Массельского ущелья, вынесся по снежной цепице бездорожья. Отряд Интервенциоников, без обзоров, неся все — и оружие и питание на себе, ноуя в страшные морозы в лесах, делая в сутки до 80 километров, прошел там, где, по мнению неприятеля, «птица не могла пролететь», и неожиданным ударом уничтожил в деревне Кимас-озеро штаб белых и их базисные склады.

прочь от советской России! Они разоружили шюцюр, прошли отряды, разоружили погранотряд, сорвали обую мобилизацию на севере и вместе с жемана и детьми, в песном бездорожье «спелым покоем» проехали в советскую Карелию.

Каждый день, каждый этап этого востангия, в разное время, имевший большой резонанс в Суоми, — неповторим и незабываем.

И вот пришли эти песторубы в Ухту, которую только что тесными красными частями оставили лахтары.

Ухта, центр национального финско-карельского фольклора, родина непокорных певцов и сказителей, это сделали с ней людскими, прикрывавшимися именами Калевалы? Они разоружили ее так, что не осталось ни одной жилой избы.

Все стекла были выбиты, рамы сорваны, переплеты дверей покарены, снос вырезан, картофель заморожен... Все взрослое население угнано в Финляндию.

В деревне остались одни лишь старики, старухи и маленкие, брошенные дети. Их оставили потому, что при спешном поеме отступлении они были бы только обузой.

Карноармейцы, как няньки, ухаживали за малыми ребятами. И что же сделали песторубы? Они починили разрушенные дома, построили коммуны «Сныи севера». Они построили новый культурный центр на севере.

Ухтинский район был неграмотным; — теперь это район сплошной грамотности (к 1934 г. оставалось 68 неграмотных). Сюда проведена дорога, заведено авиосообщение, работают техникумы, выходит печатная газета, процветает национальный театр. К настоящей социалистической культуре прибывают все большие массы трудящихся.

И одним из первых законов, изданных новыми хозяевами разоренной Ухты, был закон о сохранении сосны, под которой, по преданиям, доктор Ленрот записывал руны Калевалы.

Лесорубы принимали наследство. Но, приняв наследство, трудящиеся Карелии, ведомые коммунистической партией, приумножили и это наследство и все свои богатства.

В то время как в соседней Финляндии в последнее время грамотность и образование все снижаются, — в советской Карелии затраты на просвещение неизменно растут.

В 1931 г. на душу затрачивалось 40 руб. в 1934 г. 70 руб. Грузооборот Мурманского ж. д. больше грузооборота всех железных дорог Финляндии вместе взятых. Кому эти цифры не говорят о новой творческой поэме, тот глух и слеп.

Обо всем этом думалось мне в быстрой сумерках над озером Куйто. В январе-феврале 1935 г. соедным лыжным отрядом ЛВО (60 чел.), был пройден маршрут уже легендарного рейда.

Второй пленум правления ССП

В Москве 2 марта с. г. созывается II пленум правления Союза советских писателей СССР.

- Пленум обсудит следующие вопросы:
1. Состояние и задачи советской критики — докладчик т. Беспалов.
 - а) Чего ждет писатель от критики — доклад М. Шагинян.
 - б) Театральная критика — доклад тов. Афиногенова.
 2. Доклад редакции «Истории гражданской войны» — тов. Минц.
 3. Доклад редакции «Истории фабрик и заводов» — т. Иванов. В.
 4. Утверждение плана работ правления ССП СССР на 1935 г. — доклад тов. Щербанова.

Открытие пленума состоится 2 марта в 5 1/2 ч; вечера в Большом зале Комкакадемии (Волжонка, 14).

Вход по делегатским и гостевым билетам. Все справки и заявки на билеты представлять в оргкомиссию (ул. Волжонка, 52), тел. 1-19-89, 91-44).

ОРГКОМИССИЯ.

В ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК

По ходатайству ЦИК Карельской АССР Президиум ВЦИК постановил переименовать Ухтинский район Карельской АССР в район Калевалы. (ТАСС).

Столетие „Калевалы“

КАРЕЛИЯ ГОТОВИТСЯ К ТОРЖЕСТВАМ

ПЕТРОЗАВОДСК, 27. (ТАСС). 28 февраля в Карелии начинается торжественное празднование столетия «Калевалы» — замечательного памятника народного творчества. В Петрозаводске начали съезжаться на юбилей многочисленные гости. Приехали лучшие носители карельского фольклора. Из Пряжского района прибыли Мария Чаккиева и Феодосия Зайцева. Недавно закончили исполнять свои новые руны (песни) «Калевалы», из Ухтинского района —

полнители рун шестидесятилетняя Марфа Хотева и семидесятилетняя Мария Режу. Прибыл также сказитель — болхоэник Андрей-Рябинин из Занозского района — выучившийся сказатель Рябинина. Все они будут выступать на торжественном вечере, посвященном столетию со дня выхода первого издания «Калевалы».

На праздник прибыли представители области Кюми. В числе делегатов гостей — профессор Кагаров.

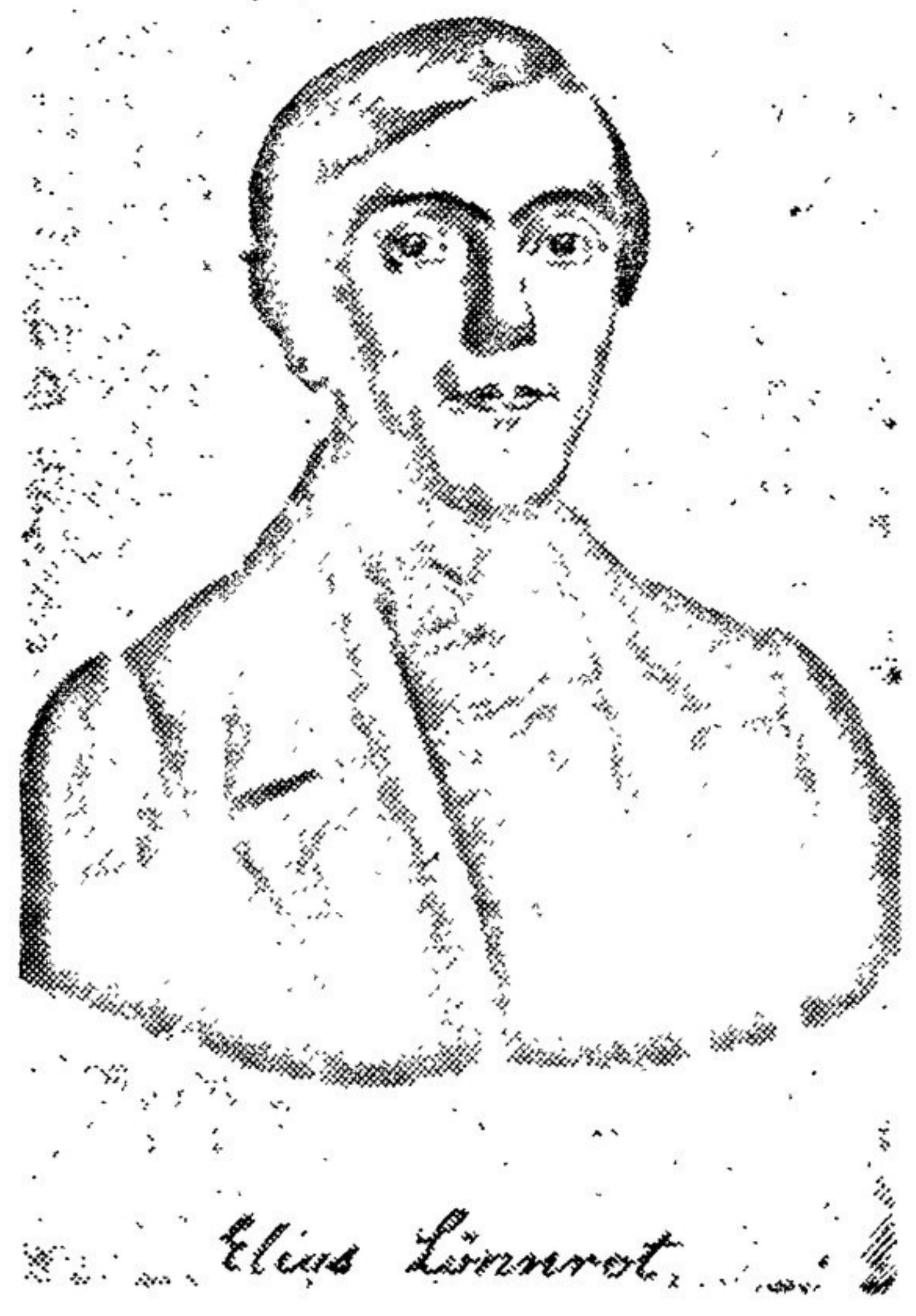
От Чувашии получено приветствие, в котором сообщается, что полностью закончен перевод «Калевалы» на чувашский язык.

На предприятиях, в колхозах и учебных заведениях Карелии проводятся вечера, посвященные столетию. В Петрозаводске, в построенном Доме национальной культуры, оборудована большая выставка. Среди друзей экспонатов здесь представляется редкий экземпляр «Калевалы» — первого издания 1835 года.

С Т О Л Е Т

РУНЫ НОВОЙ ЗАПИСИ РОЖДЕНИЕ И ЖЕНИТЬБА ИЛЬМАРИНА

Девственницей была Иринея,
Яйца куры в рот не брала,
Молока от той коровы,
Что ходила за быками,
Ни ржаного хлеба с клыном,
А питалась лишь икрой,
Рыбой с белыми боками,
Не ходила ночью мглистой,
Поздно спала утром зимним,
Не плескалась в баре жаркой,
Груз тяжелый не носила,
Оттого во чреве чистом
Юной девы, у Иринея
Плод тяжелый зарождался,
Три на свет выжил сына,
Первый сын был Вейнемейнен,
Повелитель стран туманных,
Песнопевец всех наследник
Не гонявшийся за малым,
Третий сын — воитель смелый,
Сильный, храбрый Евагайнен,
Только сын родился средний,
Как все люди, безмяннин,
Стал просить ои у Иринея,
Опустившись на колени:
— Дай ты, матушка, мне имя,
Дай несчастью прозвище,
Дай мне имя Ильмаринен,
Званы дай — кузнец умелый,
Свод небес скую я синий,
Звездочки зажгу в тумане.

II
Вырос сильным Ильмаринен,
Сталь, железо заналет,
Он по виду братцев краше,
По уму он всех умнее,
Тут решил он Катерину
Сватать — деву, что гуляет
Между звезд, в ночи горящих,
Между туч, плывущих в небе.
Соглашается невеста,
Не найти ей мужа лучше.
Только мать ее, старуха,
Машет, злобная, руками,
Говорит: «Новаль известный,
Дочь тогда могу получить,
Если сможешь ты три круга
Пробежать над облаками».

III
Обегает Ильмаринен
Первый круг, легко второй он
Пробежит, но на третьем
Посквынулся на пригорке,
Тут попал он в рот земиний,
В черную ее утробу
И с печалью осомтрелся
В заточеный этот горшок.
Молвит тварь: «Ты с Катериной
Зря, кузнец, не попрощался,
Долго будешь ты в отлучке
В этой части неба крайней».
Во весельи Ильмаринен
Пальцы делает плечками,
С тем — кулак могучий,
С тем — наковальней,
Т он: «Тварь земная!
Дастся Ильмаринен,
Х орой муж, коваль умелый,
Слабой мудрости земной».
Три пилы он заналет,
Пилит три ребра земиних
И опять бежит по небу,
Все к жилищу Катерины,
Мать змею убила он злою,
Обошел поля большие,
Говорит слова такие:
«Жаль мне выдать Катерину,
Пташечку мою песуню,
Но уж раз так совершилось —
Ей развязываю крылья».

IV
Тут сыграли свадьбу, пошадь
Запрягли и еду к дому

Ильмаринен с Катериной Льдами синими, по морю. Вдруг померзает оглобля Над холодною водою. Над пучиною той синей Поженившись на горе. Но веселый Ильмаринен Песню спел, и появился На холмистой береговой С тонкою березой, И оглобля заменил он, Снова в сани опустился, Держит снова путь по звездам, Едет дальше на морозе. Богатырский сон смекает Век мужу молодому. Говорит он: «Спать я буду Два часа. Будь на третий». Тут он сразу засыпает, Пять часов прохордит догик. Снежная бушует буря, Завывает ветер встречный, Муж проснулся. Но рукою Шувельную окоченевшей Он не может, ноги также Отморозил до колена. Обращается с укором К Катерине, речь он держит О предательстве том страшною. О земной он измене. «Будь же ты отныне чайкой, Скорбно плывущей у моря, Проклято рыбками Белой птицы с тонкой шей».

Э Л И А С Л Е Н Р О Т
Собирает «Калевалы» Элиас Ленрот родился 23 марта (9 апреля) 1802 г. в семье бедного деревенского портного в приходе Самматти (Нюландской губ.) в Финляндии. С ранней молодости его привлекало к себе изучение финской народной словесности, народных верований и быта. В 1825 г. он совершил первую свою поездку в восточную Финляндию для собирания и записывания народных произведений. В 1831 г. он повторил поездку, и плодом этих двух путешествий явился сборник эпических и лирических народных песен под названием «Кантеле». С этого времени начинается энергичная деятельность Ленрота по собиранию произведений народного творчества. В два года — с 1833 по 1835 — он совершил четыре поездки в восточную Финляндию и Архангельскую губернию. Поездки эти, трудные и утомительные, продолжались по несколько недель каждая. То верхом на лошади, то на лодке, но больше пешком, с простым в руках, флейтой в кармане и котомкой за плечами, по болотам и лесным тропинкам забирался он в самые глухие деревушки, отыскивая народных певцов, знающих старинные руны.
В начале 1835 г. Финское литературное общество получило от Ленрота готовую рукопись «Калевалы» с обширным введением. В ноябре того же года первое издание «Калевалы» (включавшее в себе 12.000 стихов) появилось в свет. Увеличенное почти вдвое против прежнего издание (22.800 стихов, разделенных на 50 рун) вышло в печати в 1849 г. В отличие от первого издания его принято называть «Новой Калевалой»; с него и был сделан перевод на русский язык (Л. Бельский).
Умер Ленрот 19 марта 1884 г. Н. ВОЛОДИН

Собиратель «Калевалы» Элиас Ленрот родился 23 марта (9 апреля) 1802 г. в семье бедного деревенского портного в приходе Самматти (Нюландской губ.) в Финляндии. С ранней молодости его привлекало к себе изучение финской народной словесности, народных верований и быта. В 1825 г. он совершил первую свою поездку в восточную Финляндию для собирания и записывания народных произведений. В 1831 г. он повторил поездку, и плодом этих двух путешествий явился сборник эпических и лирических народных песен под названием «Кантеле». С этого времени начинается энергичная деятельность Ленрота по собиранию произведений народного творчества. В два года — с 1833 по 1835 — он совершил четыре поездки в восточную Финляндию и Архангельскую губернию. Поездки эти, трудные и утомительные, продолжались по несколько недель каждая. То верхом на лошади, то на лодке, но больше пешком, с простым в руках, флейтой в кармане и котомкой за плечами, по болотам и лесным тропинкам забирался он в самые глухие деревушки, отыскивая народных певцов, знающих старинные руны.
В начале 1835 г. Финское литературное общество получило от Ленрота готовую рукопись «Калевалы» с обширным введением. В ноябре того же года первое издание «Калевалы» (включавшее в себе 12.000 стихов) появилось в свет. Увеличенное почти вдвое против прежнего издание (22.800 стихов, разделенных на 50 рун) вышло в печати в 1849 г. В отличие от первого издания его принято называть «Новой Калевалой»; с него и был сделан перевод на русский язык (Л. Бельский).
Умер Ленрот 19 марта 1884 г. Н. ВОЛОДИН

Собиратель «Калевалы» Элиас Ленрот родился 23 марта (9 апреля) 1802 г. в семье бедного деревенского портного в приходе Самматти (Нюландской губ.) в Финляндии. С ранней молодости его привлекало к себе изучение финской народной словесности, народных верований и быта. В 1825 г. он совершил первую свою поездку в восточную Финляндию для собирания и записывания народных произведений. В 1831 г. он повторил поездку, и плодом этих двух путешествий явился сборник эпических и лирических народных песен под названием «Кантеле». С этого времени начинается энергичная деятельность Ленрота по собиранию произведений народного творчества. В два года — с 1833 по 1835 — он совершил четыре поездки в восточную Финляндию и Архангельскую губернию. Поездки эти, трудные и утомительные, продолжались по несколько недель каждая. То верхом на лошади, то на лодке, но больше пешком, с простым в руках, флейтой в кармане и котомкой за плечами, по болотам и лесным тропинкам забирался он в самые глухие деревушки, отыскивая народных певцов, знающих старинные руны.
В начале 1835 г. Финское литературное общество получило от Ленрота готовую рукопись «Калевалы» с обширным введением. В ноябре того же года первое издание «Калевалы» (включавшее в себе 12.000 стихов) появилось в свет. Увеличенное почти вдвое против прежнего издание (22.800 стихов, разделенных на 50 рун) вышло в печати в 1849 г. В отличие от первого издания его принято называть «Новой Калевалой»; с него и был сделан перевод на русский язык (Л. Бельский).
Умер Ленрот 19 марта 1884 г. Н. ВОЛОДИН

теорию пытались обосновать не только филологически, но и с помощью, например, толкования, что в Карелии якобы не было тех географических и социально-политических предпосылок (морей, богатых городов), которые находят свое отражение в рунах «Калевалы». Такую теорию, отнесся критически, умов проф Бубрикс, редакторовавший новое издание «Калевалы» на русском языке и написавший к нему предисловие. Хотя марксистское исследование и не разрешило еще этого вопроса, мы все же можем против этой теории представить весьма порочения. Известно, что на побережье Белого моря и Северного Ледовитого океана велась торговля, и туда совершали свои набег викингов, и что через Карелию шли торговые пути на запад и восток; этим путем в Карелию и могли проникнуть чуждые влияния, поскольку они встречаются в «Калевале». И совершенно бесспорно, что карельские поэты переработали это «чуждое» на свой лад согласно собственному мировоззрению. Особенности точности необходима при обращении с этими западно-финскими теориями и потому, что социальным мотивом являлось безусловное стремление отнять от карельского народа честь создания этих рун и передать ее «западным странам», вплоть до германцев. Попутно следует отметить, что на территории современной советской Карелии до последнего времени было сохранено значительное количество русских былин.

Рисуемая в «Калевале» жизнь построена на родовом обществе, она отражает черты и первоначального коммунизма. Находим мы в рунах и явления первых времен феодализма: рабы раздвигают меха, помогают Ильмаринену, они же оспаривают своим хозяевам лошадей и т. д. Герои «Калевалы» — начальники родов и племен, совершающие военные походы и карательные экспедиции. Положение женщины принижено, хотя и встречается намеки на матриархат (Лоухи, хозяйка Похьелы), и женщины пользуются свободой в выборе себе мужей. Отражено и позднейший феодализм: отъезд дани, напоминаясь подвигам женов, и пр. Встречаются и христианские легенды (дежда о Марьяте и др.), но они совершенно переработаны в соответствии мировоззрению крестьянских певцов.

Нам еще предстоит ответить на вопрос, каким образом из древних карельских руны «Калевалы»?

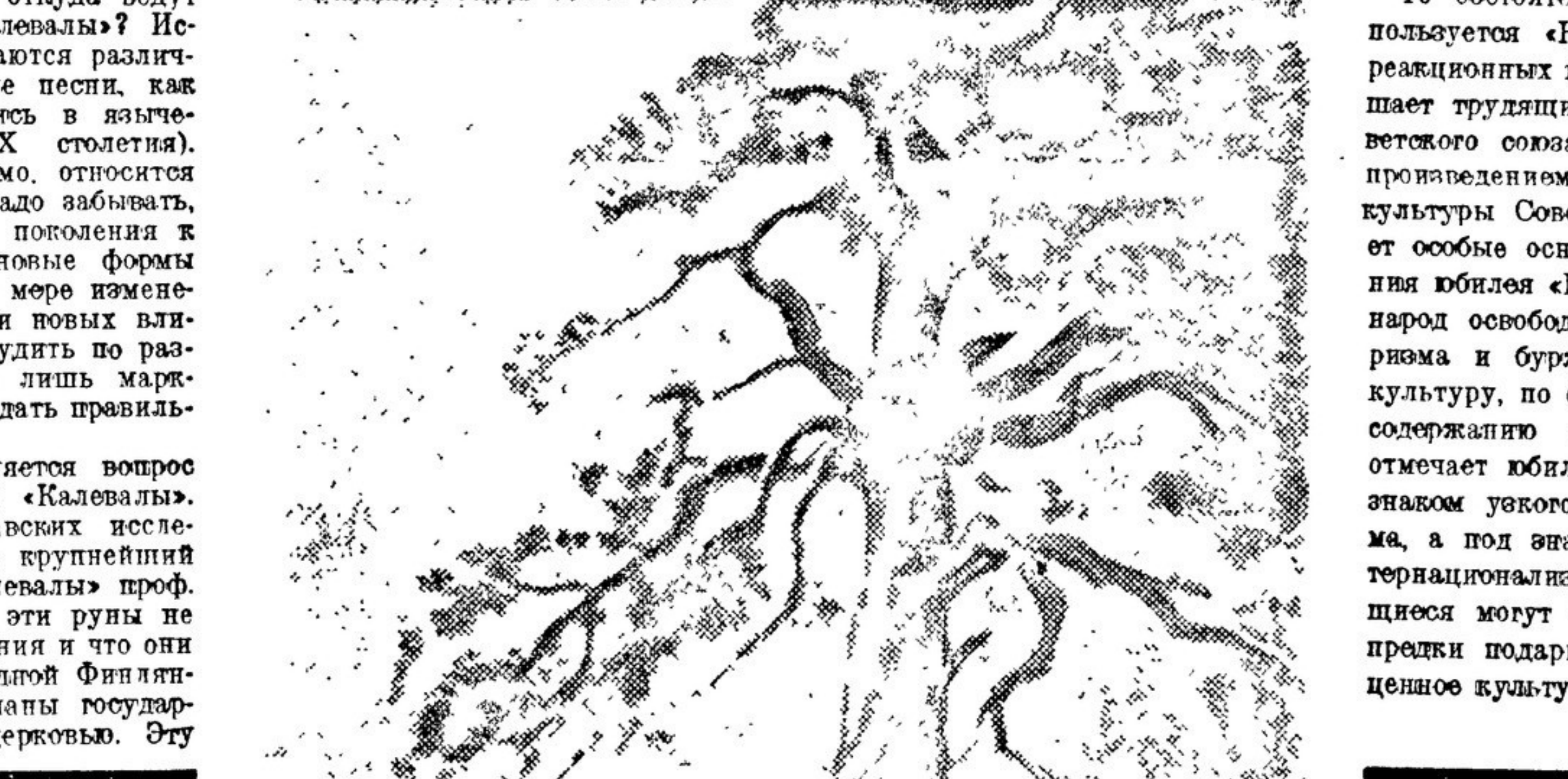
Финляндия, представляя собой в течение нескольких столетий поле брани между Швецией и Россией, оказалась в 1809 г. под властью России, и царь общался сохранить финнам их привилегии и законы. Таким образом была создана база для той автономии, которую затем финляндцы развили в течение прошлого столетия. Начало прошлого столетия было временем подъема буржуазии в Финляндии. Началось национальное движение, в котором следует отметить два момента. В широком смысле, под этим движением подразумевается стремление господствующего класса Финляндии — помещичье-бюрократического и капиталистического — захватить наибольшую долю участия в государственном аппарате, разделяя его участие с царем. Результатом этого движения явилось развитие финляндской государственности. По той или иной причине государственности не являлись: территория, единые законы и государственные учреждения, а также общий язык. Финляндия обладала этими признаками, за исключением государственного суверенитета и своего языка. Господствующим языком был шведский, на котором говорили высший класс и небольшое меньшинство населения на морском побережье. Против шведского аристократическо-бюрократического господствующего класса выступило финское национальное движение, борьба мелкой буржуазии и крестьянства, а также нарождавшегося пролетариата, за право финского языка. С этой борьбой соединилась и борьба за свободу промышленности, за аграрные реформы, школы, свободу печати, за демократию.

На этом историческом фоне следует рассмотреть и появление «Калевалы». Это был для всего финского народа «чужеский билет в среду народов». «Калевалой» пользовались на родине для разжигания национального духа, а за границей — для рекламирования Финляндии. Для

При суждении о «Калевале» приходится считаться и с периодом упадка капитализма. В исследовании ставится историческая-обстранный, нельзя сказать общепринятый, тезис: как раз в этот период, по мнению автора, и произошла разработка «Калевалы». Это суждение основано на том, что в этот период произошло отделение от народа, что привело к упадку культуры, по мере национального духа, по мере национального духа, по мере национального духа, по мере национального духа.

То обстоятельство, что буржуазия пользуется «Калевалой» для своих реакционных классовых целей, не мешает трудящимся Финляндии и Советского Союза считать «Калевалу» произведением настоящей народной культуры Советской же Карелии имеет особые основания для празднования юбилея «Калевалы». Ее трудящийся народ освободился из-под гнета феодализма и буржуазии и строит свою культуру, по мере национального духа, по мере национального духа, по мере национального духа, по мере национального духа.

И. СИРОЛА

Элиас Ленрот (Ухта — Карелия). Фото Карельского научно-исследовательского института

К ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ ССП. ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ КРИТИКИ

Серьезный разговор

Недавно мне пришлось присутствовать на чрезвычайно интересном литературном вечере. Юрий Олеся читал свое последнее произведение «Строгий вепс» студентской молодежи. Слушавшие крайне внимательно. Потом наши занески (на афише было обещано: ответы на занески). К удивлению публики, Олеся, прочитав занески, откладывает их в сторону одну за другой.

— Занески, — говорит Олеся, — слишком серьезные, чтобы ответить на них, надо готовиться. Может быть, найдутся более веселые занески? Но «веселых» занесок, дающих материал для дискуссионных острот, для той легкой и слегка пренебрежительной перебранки с публикой, которая вошла в моду на такого рода вечерах, не было. Сдержанно, с большим тактом, но с большой настойчивостью молодежь требовала серьезного разговора и в конце концов начала его сама. Вышла девушка и сказала: «Вот вы выбрали своей героиней женщину, которая живет по содержанию и своего мужа и ничего не делает. Эта женщина не может быть нашей героиней, наша героиня — трудиющаяся женщина. Вы сделали ошибку».

— Мы хотим, чтобы вы ответили по существу на те вопросы, которые вы же сами поставили в своем произведении. В вашем произведении много несюжетного. Можете вы ответить на эти вопросы или нет?

— Я литератор, я металлург. — действительная молодая человек». Но я читаю художественную литературу и в частности слежу за вашим творчеством. Я очень уважаю ваш талант, но я несогласен с вами относительно вашего главного героя. Если вы хотели дать пример, чтобы молодежь на нем училась, то я не вижу, чему я мог бы научиться у вашего героя».

Олеся особенно отстаивал «моральный комплекс», но должен был в конце концов сознаться, что комплекс комсомолец.

— Дело не в том, что он беспомощен, — возражала ему, — а в том, что в нем нет главного. Мы не против совместности, но это не главное для комсомольца.

Под перекрестным огнем вопросов и неожиданных этих речей юный автор внезапно в разных концах зала, Олеся сидел явно смущенный.

Е. Т р о щ е н к о

Это был поучительный вечер и для писателя и для критика. Что показало этот вечер критику? Да прежде всего то, что у него есть читатель, что читатель нуждается в нем, что читатель ищет формулировки, аргумента, убедительного выражения, что эту формулировку ему надо дать, развить ее аргументацию, объединить и выразить его поиски, разрозненные мысли, неясные еще мысли может встать чужие. В этот вечер достаточно было только подняться на кафедру и сказать: «Товарищи, я могу ответить на все те вопросы, на которые не ответил вам автор. С Олешей нужно спорить. Давайте разберемся», — чтобы завладеть вниманием аудитории целиком и полностью.

Мы говорим «читатель вырос» и называем цифру, таржи и т. д., но что стоит за этим реально, не всегда представляем себе. Вечер этот показал критику, что такое наш молодой советский читатель. Выросло целое поколение молодежи с высокообразованными и большими запросами людей, серьезно размышляющих, задумывающихся над многими и многим, и вместе с тем людей, внутренне убежденных, людей, у которых есть какие-то очень прочные опорные точки, есть ясность в основных каких-то действительно важных пунктах. И они требуют такой же ясности и убедительности от других.

Молодежь эта составляет, вероятно, добрую половину наших читателей, и вот возникает вопрос: что даем мы критика, этому читателю, что получаем от нас, обращаемся ли мы к нему, можем ли мы воспитывать его, разговаривать с ним, в чем состояла в тот вечер в «коммунистической аудитории»? Я думаю, что мы на этом разговоре способны, и разговору этому сейчас как раз самое время.

«Поворнуть критику к читателю».

Некоторым это кажется снисжением и сужением ее задач, это, мол, «популярная», критик — не популяризатор. Я думаю, что это не так, что популяризация тоже наше дело, и скажу об этом ниже. Но прежде следует поворот к читателю, что это значит. А значит это прежде всего то, что советская критика должна выйти из узкого и замкнутого литературного кружка на широкий воздух своей страны и обсудить имеющуюся у нас литературу в соответствии с теми взглядами и представлениями о действительности, которые она (критика) самостоятельно выработала себе — независимо от литературы и рядом с ней. Критика должна иметь свое собственное понятие и представление о нашей действительности, а не плестись в хвосте за писателем, сравнивая книгу с книгой и не умея сказать, что это, вместе взятые, с действительностью.

Критика наша переживает кризис, ибо она до сих пор не вышла из периода кружковщины, кустарничества, то время как литература из этого периода уже давно вышла. Художественную литературу читают в среднем миллионы, а критика — кустарная, мелкошрифтовая. Критика все еще скрывается в недрах литературы и даже не в недрах, а скажем менее выскочка, — в углах. Она снимает в литературе «угол», в то время как она должна существовать рядом с литературой, обращаясь самостоятельно и независимо к читателю.

Есть у нас критики, которые думают, что читателя надо завлекать, что его вообще можно завлечь, как завлекает покупателя в свою лавочку мелкий торговец. Это критика, которая старается писать «красиво», пребывая при этом в гордом сознании, что они не какие-нибудь вульгаризаторы в вульгарные «социологические», а совсем напротив, что это и есть пресловутая «эстетическая» критика. Прежде всего следует сказать, что ничего не может быть скучнее и ничто не может быть легче, чем писать «красиво». Гораздо труднее писать содержательно. Дело в том, что художественная критика все же еще не вполне наука. «Самое важное здесь в критике Е. Т.» состоит в правильной применении эстетических начал к частным случаям, а так как на одном провинциальном критике можно насчитать до пятидесяти просто ос-

труктурных, то было бы просто чудом, когда бы применение делалось в связи с той предметностью, которая должна сохранять постоянное равновесие между обими искусствами» (Лессинг). Можно сделать десятки критических анализов, и все они будут приблизительно теми же и все сойдут за критику, и лишь один какой-то будет точным. И это будет истинная критика. Самое трудное в критике — это точность, т. е. научность, и именно для точности нужен критический талант, особая способность.

Нет, повернуть критику к читателю это не значит завлекать читателя красивым словом. Дело сейчас в другом — дело в проецировании кустарничества и кружковщины; в том, чтобы выдвигать большие критические темы, схватывающие узловые моменты литературного процесса; в том, чтобы брать литературу в таком ее разрезе, где видно все ее в связи с действительностью; в том, чтобы не бояться публицистики, а напротив научиться быть публицистами, т. е. рассуждать смело и самостоятельно о тех жизненных явлениях, которые затрагивает писатель в произведении, иметь свое суждение об этих явлениях и о своей роли на них.

Что касается эстетики, то мне приходится уже однажды говорить о том, что эстетика критики тут в формулировании новых эстетических отношений искусства к действительности. Новые общественные закономерности порождают новые закономерности в искусстве. Содержание изменилось, должна измениться форма — это понимает все Нейно только одно и притом самое главное — нам это происходит, т. е. каковы новые законы одного из самых интимных и глубоких отношений в искусстве — отношения содержания и формы.

Но тут надо сказать, что наша художественная литература в сегодняшнем ее состоянии дает мало материала для этого. В области художественной формы нет еще ни одного крупного открытия. Критика может и должна давать прогнозы, должна строить новую эстетическую теорию, однако без достаточно развитой художественной практики дело не может серьезно продвигаться вперед. Как много раз было бы неопровержимо в теории, если бы раньше не удавалось на практике доказать против-

ное — писал Лессинг. Наши гении не столько с этим торжачатся и наши Лессингам приходится писать. «Ногодишней драматургии». Знаменитый немец был более последовательным — он писал драмы сам. Но во всяком случае и это распоряжение было Шекспири, и он отлично распорядился этим наследством для создания теории буржуазного драматического искусства. Но однако нехватало и на это. Тов. Козовский разрабатывал всю мировую драматургию от греков до Шекспира включительно и остался при одном Ногодине. У Шекспира, видите ли, тоже «семейная форма» — не следует путать Шекспира с Карпоном, тов. Козовский!

Никогда еще с такой ясностью не могли мы постигнуть законов искусства, созданного прежним обществом, как теперь. Ибо создано уже новое общество, оно существует уже на практике, и мы можем практически уже со всей очевидностью, понять все глубже, принципиальные отличия искусства прошлого от нового искусства, которое создается социалистической эпохой. И вместе с тем именно теперь подошли мы к тому историческому моменту, когда социалистический пролетариат может уже на практике осуществлять свое историческое право наследования великого сокровища прошлого искусства.

Никогда еще в истории не было эпохи, которой были бы так близки и греки, и Шекспир, как нашему времени. Германия эпохи Лессинга и да-

критики, которое вошло в моду в последнее время в литературской среде. Критики начинают уже даже и немного привлекать, свиваться с этим положением, такая уж наша горькая доля! Это положение необходимо изменить. Критику нашу обязательно нужно строго критиковать. Без этого она не двинется вперед ни на шаг. Но надо не только бить, но и выдвигать и отмечать лучшее. Если вы говорите: критика плоха, то следует указывать, кто именно плох и чем именно плох.

Нынешний год должен быть переломным и в отношении критики и в отношении самой критики. Ряд практических шагов к этому уже предпринят. Я хочу внести еще несколько практических предложений. Я предлагаю объявить 1935 г. годом соревнования критиков. Надо объявить в этом году конкурс на лучшую критическую работу и в конце года провести его. Времена больше чем достают. В конкурсе должны принять участие все наличные кадры, работающие в критике. Каждый представляет ту свою работу, которую он так или иначе задумал сделать как центральную работу этого года. Лучшую работу надо издать в особом сборнике, предложив его широкому читателю.

У нас наверняка найдется человек 15—20, если не больше, толковых и отнюдь не бедных людей, которые способны хорошо работать в критике. Каждый год нужно вводить сборник лучших статей и критических очерков, посвященных наиболее интересным и значительным произведениям этого года или затрагивающим наиболее острые, боевые темы литературной современности. Первой такой критической альманах надо выпустить в свет уже в 1935 г.

Выше говорилось о популяризации, о том, что это также входит в нашу задачу. Не боясь ошибиться, можно сказать, что художественную литературу в нашей стране читают все. Люди высокообразованные и люди, только недавно ликвидировавшие неграмотность. Нужна массовая литературная критика, рассчитанная на широкого читателя, нужны популярные очерки советской литературы, большие книжки и брошюры о лучших наших произведениях. Мы говорим много о начинающем писателе, но мы забываем, что у нас существует и начинающий читатель, которого надо помочь, которого надо культурно и квалифицированно обслужить. Создать массовую критическую книгу это очень ответственная и очень трудная работа, и выполнить ее можно только с самым тщательным при взаимном контроле, взаимной проверке и критике друг друга.

ПЕВЦЫ РУН В КАРЕЛИИ

Литературная история «Калевалы» и составляющая ее рун исследована довольно подробно.

Но о тех, кто являлся хранителями этих художественных сокровищ, о певцах рун, мы не знаем ничего, или знаем очень мало.

Руны бытовали преимущественно среди трудового бедняцкого населения Карелии.

Восторженный певец рун, Кузьма Агеев, девятидесятилетний старец, рассказывал, как он с другими певцами пел вечера подряд цел руну во время работ на подосеках или по окончании рыбной ловли.

Чтобы скрасить длинный вечер, чтобы дель шаг веселее... «Следом, — говорил он, — около костра или в избушке и начинаем петь.

Неудивительно, что народное творчество Карелии насыщено поэзией, полно глубоко поэтических картин и образов.

А после дневной изнурительной работы являлась и потребность отве-

сти душу» за пением и слушанием рун.

Одним из наиболее даровитых и известных певцов рун был Михаил Архипович Пертуев.

Пертуев не занимался разносной торговлей товарами по Олонецким, как обычно в то время делали многие крестьяне Ухтинского района.

В семье отца и в первые годы самостоятельного хозяйствования М. А. Пертуев не нуждался.

Оставалось одно — взять корзинку и ходить под окнами, просить милостыню у таких же почти бедняков, как и сам он.

Мне нужно Жернова вертеть усердно, Жернов мельничатый тяжелый, У меня же силы мало.

Бродя от жилья до жилья, уходя от далеко от своей родины, разошелся повсюду свой певец, и сам жадно впитывал новые напевы.

Мне нужно Жернова вертеть усердно, Жернов мельничатый тяжелый, У меня же силы мало.

Как искусного певца с обширным репертуаром рун, Михаила Архиповича знали далеко за пределами его родины.

Умер Михаил Архипович 3 сентября 1899 г. и был похоронен на кладбище своего родного Лядвозера.

ПЕВЕЦ РУН МИХАИЛ ПЕРТУЕВ УМЕР 3/IX 1899 года.

После Пертуева остались две дочери — Евдокия Каргуева и Мария Каргуева.

Из недавних певцов рун следует отметить, как наиболее интересных, Кузьму Агеева и Дарью Лазареву.

Кузьма Агеев, из деревни Лядвозера, Вокнаволоцкого района, — типичный карельский бедняк.

Дарья Тимофеевна Лазарева в 1927 году была 65 лет. Это довольно старый старушка, с хорошей памятью.

Испрошу у вас, милые мои, Спросите лучше солнце, — «Солнце праведное скажет».

Испрошу у вас, милые мои, Спросите лучше солнце, — «Солнце праведное скажет».

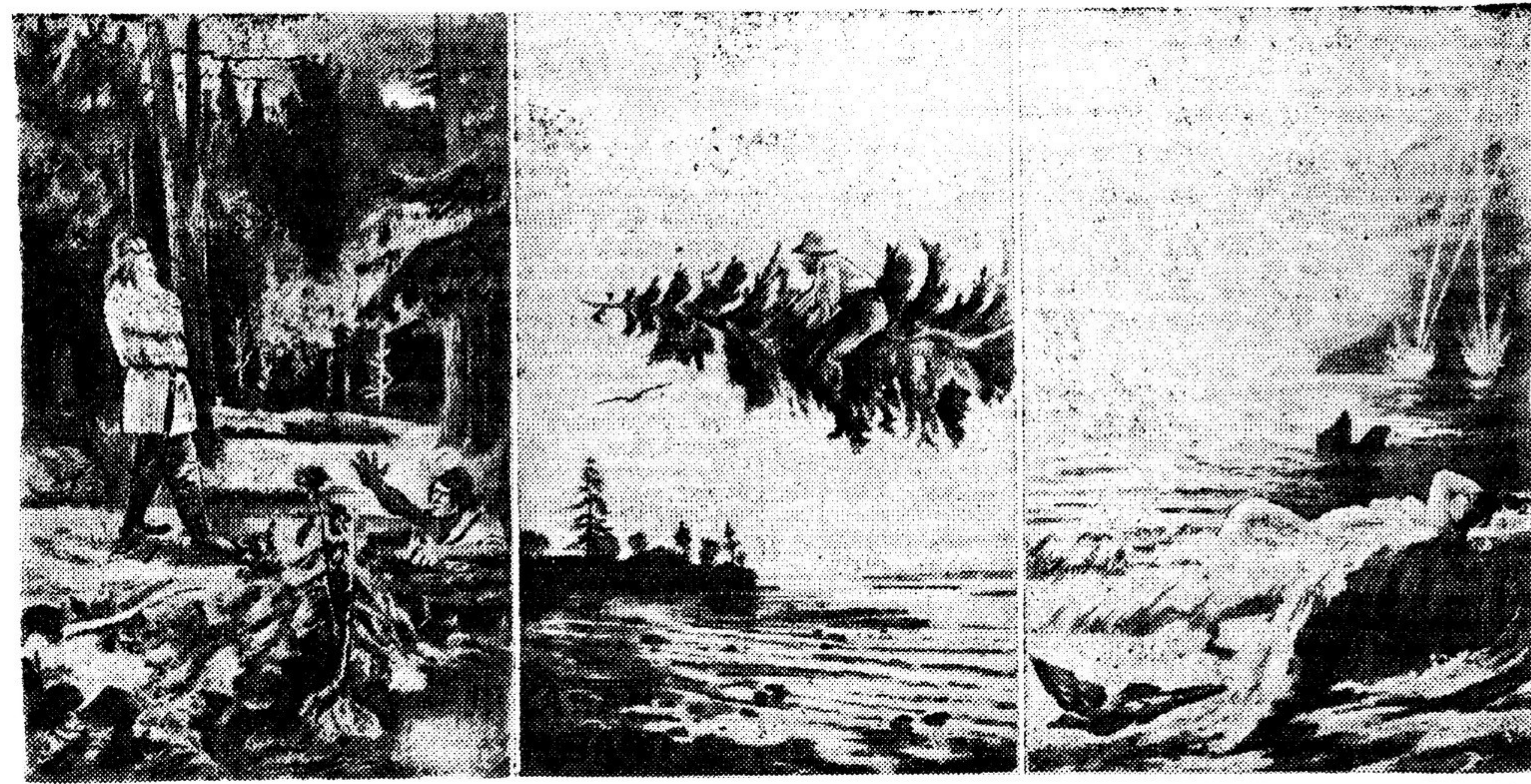

Иллюстрация финского художника Кеймяна к «Калевале». Слева направо: 1) Вейнемейнен заклинивает погрузку Июкуайнена в болото (руна 3-я); 2) Путешествие Ильмаринена в Похвелу (руна 10-я); 3) Сотворение мира (руна 1-я).

КАНТЕЛЕ В „КАЛЕВАЛЕ“

Когда вопрос идет о «Калевале», нельзя обойти молчаем и вопроса о кантеле.

Кантеле занимает видное место среди национальных музыкальных инструментов карел.

В. Вельский в предисловии к первому изданию «Калевалы» на русском языке пишет: «...Музыкальный инструмент Вейнемейнен был изобретателем первого музыкального инструмента — кантеле. Кантеле играет в «Калевале»».

Сам клинок свой вынимает, Тащит острое железо; Он клинок вонзает в волны, С края лодки вглубь вонзает, Всплыви на берег моря.

Затисана сотрудником Карельского научно-исследовательского института В. Я. Евсеевым от И. Федулной, крестьянки д. Лахты, Пряжинского района, 89 лет.

роль неоценимого сокровища, добыть которое стремятся многие, но никто не может им управлять, кроме Вейнемейнена.

Вейнемейнен, Ильмаринен и Лемминкайнен, плывя на лодке, насканивают на спину гигантской щуки, с которой им никак не удастся.

Старый, верный Вейнемейнен Говорит слова такие: «Вы в пол-мужа не годитесь, В вас героя нет и трети;

«Кто у вас одел всех молодежь? Пусть вам смарит эту щуку, Кантеле в ответ сказал: «Не хочу ятн я в воду, Погрузиться в глубь морскую;

Девы и сварил «эту щуку для закуски, для обеда, на скале остались кости, рыба кости на утесе».

Говорит слова такие: «Что б могло отсюда выйти, Из зубов огромной щуки И из челюстей широких,

Говорит слова такие: «Из костей однако ж может Выйти кантеле, пожалуй, Если б мастер здесь напелся, Чтоб их сделать инструментом».

Тотчас струны отвечали, Кантеле в ответ сказал: «Не хочу ятн я в воду, Погрузиться в глубь морскую;

Пусть в мне играет мастер Сам своей рукой искусной, Отнеси тихонько гусли, Осторожно положи

Сохранилось кантеле в Карелии и до сих пор. Оно бытует, например в Пряжинском, Петрозавском и Олонецком районах, занимая одно из первых мест среди других музыкальных инструментов, принятых в этих местах.

А в столице Карелии — Петрозаволске при научно-исследовательском институте существует пользующийся большой популярностью кантеле-оркестр, состоящий из 18 человек, играющих на усовершенствованных инструментах.

Певцы рун. Фото Карельского научно-исследовательского института.

РУНЫ НОВОМ ЗАПИСИ

ИЛЬМАРИНЕН И СМЕРТЬ

Тот кузнец, сковавший прочно Свод небесный из железа, Ильмаринен, рассердился: Смерть морит людей без счета, Ильмаринен рассердился, Завер смерть в сундук железный И средь моря-океана Поповил сундук на волны.

И спросили люди солнце, И сказали солнце людям: «Смерть средь моря-океана «В сундуке железном скрыта». Так нашли сундук железный Среди моря-океана, Из воды его достали, Привезли на берег моря.

«Где находится бедняжка? Молвил людям светлый месяц: «Я не знаю, где бедняжка. Вы спросите лучше солнце, — «Солнце праведное скажет».

Затисана сотрудником Карельского научно-исследовательского института В. Я. Евсеевым от И. Федулной, крестьянки д. Лахты, Пряжинского района, 89 лет.

К ПЛЕНУМУ ПРАВЛЕНИЯ ССП

О штампах в историческом романе

Е. Вейсман

Сейчас многие советские писатели работают над историческим романом и повестью. Интерес у читателя к историческому роману увеличивается.

Как должен работать советский писатель над историческим романом? Должен ли он стать прежде исследователем-историком и изучать источники, а в то только познакомиться с историей?

У нас есть несколько значительных исторических романов — «Гуляй, Волга» Артема Веселого, «Раина Степана» А. Чапыгина, «Петр I» А. Толстого, романы Тинькова.

Первые три произведения говорят о XVI и XVII веках и о начале XVIII в., о переходе феодализма к капитализму, об эпохе разложения феодальной системы.

Тот писатель, который готовится написать исторический роман, должен на первых порах своей работы стать историком-исследователем.

сам писатель сможет дать новые толчки и может быть, новое направление исторической мысли, как когда-то Вальтер Скотт.

Он в своем докладе говорил: «Мы не знаем истории нашего прошлого. Предполагается и частью уже начата работа по истории удельно-княжеских и помещичьих городов от времени их основания до наших дней.

В этих словах Максима Горького заключена большая программа работ не только для писателей, но и для литературоведов.

Русская буржуазная историография XIX в., от Карамзина, Попова, С. Соловьева и Костомарова до Миллера и С. Платонова, конечно, выжила на русский дворянско-буржуазный исторический роман.

Во второй половине XIX в. появились несколько десятков романов и повестей только об одном Степане Раине. Имела авторов теперь забыты, но там вступил на язык судожественной прозы» передалась реакционные исторические концепции.

архивную историю для укрепления господства дворян и помещиков. Смутное представление о народной революции XVII в., о разном уровне, давали русские народные песни. В какой-то степени они пытались реабилитировать крестьянскую войну:

Мы не воры, не разбойники, Стенки Раина работники.. Но сами по себе (в большинстве своем собранные Киреевским, Рыбниковым и др.) они могут служить только подобным материалом к изучению классовой борьбы в феодальной России.

Советский исторический роман должен служить одним из элементов воспитания нового человека социалистического общества.

«Чтобы писать не так, как уже рассказано» (Максим Горький) об эпохе крестьянских войн — от «Смутного» времени до Пугачева, — писатель должен разрушить миф о примитивизме экономики и классовой структуры московского государства эпохи феодализма, созданной русской буржуазной историографией.

XVI и XVII вв. были очень сложными. Капитализм вырастал из самого феодального общества. Нельзя примитивно полировать классовые силы в историческом романе, ставя на одну сторону бояр-крестьян, а на другую — только одних крестьян только казачество (как это сделано, например, в романе А. Чапыгина «Раина Степана»).

входила (в русских условиях) ямнички, матросы, рабочие на соляных промыслах, на поташных и железодобывающих заводах.

На эти работы бежали крестьяне, разоренные феодалом, беднейшее казачество, стрельцы из феодальной армии.

Ленин считал крестьянские войны в России сходными с крестьянской войной в Германии. Ленин и Сталин неоднократно указывали на значение пугачевского руководства для крестьянских войн. Классики марксизма и в частности наша историческая наука осветили далеко прошлое и дали возможность советскому писателю верно изобразить это прошлое в историческом романе.

У С. Соловьева в «Истории России» описан эпизод возвращения патриарха Никона в Воскресенский монастырь после неудачной попытки снова усесться на патриарший престол. Никона, выходящего из собора, провожают дьяки. Они хотят отнять у него посох — символ патриаршей власти. «Миру являлся комета». Она торит кровавым огнем. Никон проклинает царских слуг и, потянувшись в воздухе посохом, грозит всем, показывая на комету, близкой кончине мира.

Этот же эпизод несколько раз встречается в русских исторических романах XIX в., переписанный с «Истории» Соловьева.

писателю возможность отыскивать необходимую трактовку будут бы «ненужными» эпизодами исторического прошлого.

Чтобы познакомиться над схемами буржуазной историографии, необходимо, в частности, прибегнуть к штампам, созданным буржуазным историческим романом. В нем часто встречается:

Царь (петровского времени), например, если он Алексей Михайлович, то тогда — «тишайший», толький, религиозный и милостивый. Одет всегда парадно, как описано в Строева в «Выходах государей-царей»; например на нем «зипун с обильной, кафтан стальной, камка желтая куфтер, кружево-шестк чертваст с золотом, обиль зелена струи и трава золотные, посох нилейский с кошачьи» и т. д.

Стилизация и та шла по каноническим образам внешних примет. Основные заимствования: ор или молоты, или играль в шахматы, или заливается с обильной, привнесенной «кышмбанским купчиной», или смотрит «флорентинскую комедью».

Вывода. Грозный воин с булавой. У него — дочь. Ее любит незначительный человек. Воевода противится браку. Такова сложная маска воевод, связанная уже с весьма распространенным сюжетом (от «Фрола Сквбева» XVII в. до самого 1917 г.). Или воевода — слуга царю «до гроба».

Конечно буржуазные писатели знают не хотели, что «тишайший» очень беспокойлся, когда до него долетали отголоски английской революции, что система феодальной эксплуатации крестьянства была высокоорганизованной, например, вотякинском Морозовым; что иностранный капитал, как концессионный, успешно действовал в допетровской России, что гелландские концессионеры Винтус, П. Марксис и Акема организовали в 30-х годах XVII в. такие мануфактуры, которые были по существу примитивно капиталистическими предприятиями в феодальном обществе.

Крестьяне, рабочие люди, весь плебс XVII в. еще не отражены как следует в советском историческом романе.

В условиях продолжающейся классовой борьбы в советском историческом романе еще до сих пор существует отсталость бессознательного или сознательного воспринятия буржуазно-националистических и реакционных идей и образов, то ли в сложной форме, то ли в виде штампов.

Писатель, уходящий в историческое прошлое, всегда субъективен, он всегда своей исторической роман пишет для современности. При четкой идейной направленности романа историческая достоверность, реконструкция прошлого в его типичных особенностях для исторического романа есть одно из важнейших требований социалистического реализма.

Иногда неверная подробность искажает идейную характеристику образа. На этом вопросе необходимо остановиться подробнее.

Бесспорно, разбойный характер движения Раина нельзя было не раскрыть, но это надо было бы делать, одновременно отражая остроту и выдумку на этих штампах и на их измышленном орнаменте ступенчатого стиля.

В частности у А. Чапыгина почему-то идеализирован сын астраханского воеводы Прозоровского и не раскрыт до конца образ самого воеводы.

В романе другая казнь сына воеводы Прозоровского изображена так: Пьяный Раина на крыльце часовни вершит суд и расправу. Он вспоминает про сыновей уже казненного воеводы. Их приводит к Раине. «Старший Прозоровский смею вошел в атаману». — «Ты княжеский сын?» Юноша гордо и смело отвечает: «Ведомо тебе, — пошто спроси? Раина задает ему еще несколько вопросов, довольно риторических, и приказывает затем видеть сына воеводы на крыльце Палац Чикама, закрыв голову влопею большой черной бородой, говорит ему: «Полдем...» и т. д.

Но молодой Прозоровский слова смею отвечает: «Делай, палач, да молчи». — «Что, вот ты какой, даже палач удивился. Княжеский сын погиб почти как рядовой солдат. Зачем это понадобилось делать Чапыгину?»

Этот эпизод заимствован у Соловьева и Костомарова, но у этих историков, достаточно реакционных, смерть сына воеводы отнюдь не героизирована. Иногда в историческом романе можно допустить «героическую» трактовку образа врага, но у Чапыгина эпизод с Прозоровским ничем не оправдан.

„ДА ЗАДРАВСТВУЕТ ВИЛЛА!“

О ленте фирмы «Метро-Гольдвин-Майер» (Америка), показанной на советском фестивале

Да здравствует советская киноматография!

Да здравствует революционное искусство, единственное, которое побеждает!

Да здравствует правда!

Да здравствует оружие, стреляющее в правую доспеховую щель!

Да здравствует история, которая перенаправляет выстрелы!

Я видел ленту Джека Коннея «Да здравствует Вилла». И вспоминал «Октябрь» Эйзенштейна.

Самозатяжка катилась на помощь большевикам вместе с отрядом самокатчиков.

Это не самокатчик «Октябрь».

Это молодой трубач Панчо Вилла. Он падает и трубят перед смертью.

Президент останавливается перед большими дверями.

Он идет к ним, — так, как Керенский шел в «Октябре» по лестнице, стоит перед ними, как тот.

Тысячи людей двигаются, как у нас.

Да здравствует советская киноматография, ведущая киноматографию мира, создающая кино у себя и перенаправляющая чужие выстрелы!

Театральные представления с движущимся зрительным залом, разорванной дугой края кадра, который стал рамкой, сменились быстрым бегом киноматографического, не описанного условностью сценической площадки, движением.

Лента хитра. В ней прославляется президент Мадера на постаменте из Панчо Вилла.

Но лента Джека Коннея создана советским ветром, и Панчо скачет от наших границ, скачет для нас, скачет для всего мира.

Его не получают американцы и пошутки.

Но лента хитра.

Неизвестно имя американца в Мексике.

Люди любят «Панчо Вилла».

И шмель его конячки — защитная песь для американца.

Вот и будет любовь к молодому революционеру, бредящему корреспонденту, храброму, бравому и бескорыстному. Им представлена в ленте Америка.

Он принимает симпатии и переадресует.

соемлет их своей стране, с которой он, вероятно, в споре.

Он представляет зрительный зал, для которого разыгрывается эта пьеса.

Для него партизаны берут город со стороны Южных ворот, хотя им мешает река. Но пусть репортёр не ошибется.

Они рады его выгнать.

Под видом преданности смешного и героического партизана к вождю проведено решение спора американского капитала с английским в пользу Нью-Йорка.

И для того, чтобы выиграть этот спор, использовалась и атака мексиканских партизан и методы советской киноматографии.

Месть за отца выведла Панчо в партизаны, у него не может быть союзником генерал, у него не может быть союзником и президент-либерал.

Но сценаристу и режиссеру нужно вернуть Панчо домой. Он должен отбить место. Для этого они разыгрывают с превосходным актером сцену из жизни другого Панчо.

Панчо Санчо.

Тот подал губернатором на сухопутный остров, ему было трудно, ему не нравился стол и быт.

Его в вассальную вооружили двумя связанными штанами вместо панталона.

Но Сервантес был честнее.

У него Санчо Панчо не только окупался на острове, он судил, и когда ушел с острова ослепшим, то время его губернаторства выполнялось как время мудрости и справедливости.

Но время великодушия прошло.

Чем дискредитирует Панчо Вилла во дворце сценарист Бен Хект?

У Панчо жмут ботинки, и он не догадался позвать сапожника.

Кому тесен мундир и чужды люди, которых он не догадался прогнать, он не знает, что делать с финансами.

Панчо должен уйти из дворца.

Перед этим много раз показало, что он слишком много стрелял, много любил, его за это били и раз и два, и все подряд.

Панчо должен быть вахмистром, его дело наносить кавалерийский удар для славы американцев.

Он умирает от случайного выстрела.

Он не знает, как умирать.

Тогда он отправляет репортёра, что должен говорить великий человек, умирая?

И сценарист говорит Вилла те слова, которые он должен был сказать. Эта развязка — разгадка лент.

Но лента прекрасна. Превосходно движется масса, превосходна логика революционного наступления, находчивая, действенная, находящая для себя оружие, и логика нашей киноматографии, хорошо выученной на Западе, логика Октября сметает все разговоры о том, что Панчо должен передавать свое умение, свой талант всякому другому людям.

В ленте Панчо — победитель.

Его поступки оправданы, потому что они выражены голосом, созданным для Панчо, а не для президента с черной бородой.

Правда, историческая правда, говорит нашим голосом с экрана.

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

НА РАУЛИ ГРАБЯТ

Какой ужас! На экране демонстрируют фильм «Вива Вилла», прохладит трагические кадры восстания неонов, а публика фестиваля смеется! Шумит, прокатывает! Аллодирует, галлюцирует? Что? Как? Почему?

Я не смеялся, я не шумел. Я не аллодировал в этот миг. Переломной совершалась преступление. Необычайное. Титаническое. Сердце камнем. Руки врозь. Волосы дыбом.

Карла! Грабят!

Мексиканские крестьяне... пели марш из «Веселых ребят».

До смеху ли тут?

Не успели оркестранты коллектива «Дружба» подражать как следует, а песни американцы уже спели.

Не успел режиссер выдумать еще одной теории необязательности заработка смысла в комедиях, а песню уже стащили, сбодняли, слямзили, словачили.

Тов. Дунаевский! Тов. Александров! Почему же вы смее? Единственное, что есть хорошего в вашем плохом фильме, это — музыка. А ее похитили...

Восстаньте!

Забудем, что шестые пастуха Кости в «Веселых ребятах» более чем напоминают вопиющую панораму из фильма «Конгресс танцует», что в краткие «Воистинные скорпицы» тоже стреляют из лука чем-то похожим на кларнет, что очень многие буржуазные реву в кино «похожи» на многочисленные куски на «Веселых ребятах».

Это все мелочи.

Музыку похитили. Протестуйте! Единственную ценность станузи. Боритесь!

Некоторые шутники утверждают, что это ВВ спели музыку из «Вива Вилла». Говорят даже, будто Т. Александров, побывав за границей и, в частности, в Мексике (имея к тому же недурную музыкальный слух), напел кое-что Т. Дунаевскому, в результате чего появилась музыка марша.

Я против «Веселых ребят». Но что касается музыки в этом фильме — я заинтересован не менее, чем вы.

Я волнуюсь.

Я нервничаю.

А что если шутники правы?

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ГОЛОД ВОСПРЕЩАЕТСЯ. Рисунок латвийского художника БИДЛО, приобретенный Музеем западного искусства в Москве в числе других картин и рисунков зарубежных революционных художников.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЮБИЛЕЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕВРЕЙСКОГО ТЕАТРА

Государственный литературный музей получил в дар от профессора М. А. ШАТЕЛЕНА три больших папки с неизданными материалами А. Н. Островского. В первых двух папках содержится многоценные материалы, собранные драматургом во время известной «литературной экспедиции» по Волге. Кроме того во второй папке находятся неопубликованные переводы Островского (перевод комедии Платва «Азинария» и др.). Чрезвычайно интересный материал, полностью оставшийся до сих пор неизвестным, содержится в последней папке. В ней собраны материалы нового рода записки Островского по театральным вопросам, например, «Записка о положении драматургического искусства в России в настоящее время», «О причинах упадка драматургического театра в Москве» и др. Особенно выделяется своей ценностью записка «По поводу проекта о примитивных произведениях», заключающая в себе статьи драматурга о различных искусствах, в том числе о Саввиной, Стрелетовой и др. Все приобретенные материалы будут опубликованы в очередном томе «Летописи Литературного музея», посвященном А. Н. Островскому. Н. КАШИН

„Последние мужики“

Партизаны писателей Гослитиздата приступили к обсуждению творческих отчетов писателей-коммунистов. На днях обсуждался роман В. Кудашева «Последние мужики». Этому первому крупному произведению молодого писателя были посвящены два партсобрания. Писатели, выступавшие по отчету В. Кудашева (т.т. Егоршин, Мазин, Трусов, Зырянов, Губер, Платонов и др.) отмечали, что роман «Последние мужики» является одним из немногих произведений, в которых так широко отражен восстановительный период в нашей деревне. В изображении восстановительного периода у Кудашева есть ряд спорных моментов, нуждающихся в серьезной критике. Однако за семь месяцев по выходе книги в свет она не поучила в нашей печати ни одного критического отзыва! Такое замалчивание критики романа В. Кудашева совершенно недопустимо.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ КОМУ ЭТО НУЖНО?

В передовой статье 12-й книжки «Литературного критика» читатель найдет, между прочим, следующее: «В начале развития советской литературы мы часто имели такое положение, когда примитивное по своему художественному значению произведение тем не менее играло большую роль и знаменовало начало какого-нибудь нового, значительного этапа в литературе. Достаточно вспомнить такую книгу, как «Цемент» Ф. Гладкова, которая была художественно слаба, но все же имела, так сказать, «эпохальное» значение благодаря тому, что она впервые в советской литературе показала, хотя и художественно-примитивную, социальную работу proletariata». Мы привыкли расширять всякую передовую статью не как выражение мнения одного лица, а как политический документ, который отражает точку зрения на те или иные вопросы современности всей редакцией. В приведенной цитате мы усматриваем политическую вредную установку редакционных журналов. Утверждение редакции, что «мы часто имели такое положение», когда «художественно примитивное», то-есть, попросту, художественно несостоятельное произведение знаменовало новый для еще значительный этап в литературе, является чуждым для литературы. Если советская литература в начале своего развития давала художественно примитивные произведения, то-есть, примитивные, произведение, то это значит, что такая литература в основной линии своего развития представляла из себя неубедительное, беспомощное искусство. Лишенное художественных достоинств, не вооруженное силой образного, разумеется, и не могло играть какой-либо роли. Отделить «популярное» искусство (значительность, «эпохальность», воспитательность) от его художественной выразительности значит вульгаризировать искусство. Редакция не по-

ОБСУЖДЕНИЕ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

Едва ли можно представить что-нибудь неорганизованное последнего собрания секции критиков и литературоведов. Около двух часов сидели люди, а потом разошлись, громко ругаясь и жалея потерянное время.

Между тем, по идее своей собрания это было своевременным и необходимым. Руководство секции совершенно правильно поступило, созвав перед пленумом, на котором будут решаться насущные вопросы не только литературной критики, но и всей советской литературы, совещание работников критического фронта. Нужно было узнать, проверить, как готовятся товарищи к пленуму заметить основные проблемы, которые должны быть разрешены.

К сожалению, эти благие намерения не осуществились. Тщетно пытался т. Беспалов собравшихся выступить и рассказать, какие вопросы они думают поднять на пленуме. Критики упорно молчали.

Мы считаем, что виноваты в этом в первую очередь руководители секции, мало подумавшие над совещанием и плохо организовавшие его. Докладчик т. Беспалов лишь назвал «большие вопросы» литературы, на которых, по его мнению, должны сосредоточить свое внимание критики, не потрудившись раскрыть их, выложить конкретным содержанием.

Но виноваты и сами критики. Очень немногие из них повели себя в темах своих будущих выступлений. Большинство же хранило молчание. С резкой критикой доклада т. Беспалова и порицанием собрания выступили тт. Нусилов, Рожков и А. Эфрос. Однако, найдя яркие слова для обвинения руководства секции в неумелой организации совещания, никто из выступавших не внес ни одного ценного, конкретного обобщения в абстрактности Беспалова, Рожков и др. говорили не менее абстрактно.

13 КНИГ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ

Гослитиздат выпускает из печати 13 книг современных поэтов, в том числе «Поэму о Ленине» Маяковского, и первый том его собрания сочинений, сборник избранных стихов В. Луговского и одноименный его произведений, поэму Э. Багрицкого «Дума про Опанаса», драматическую поэму И. Сельвинского «Умка — белая медведь». Сборник стихов В. Инбер, выходящий под названием «Переулком моего имени», составлен из его произведений, печатавшихся в журналах и газетах, а также из новых неопубликованных вещей. Отдельными книжками выйдут стихи И. Ушакова, «Гармонь» А. Жарова и др. Вышла из печати сборник избранных стихотворений В. Саянова.

ВЫШЕЛ СВЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР ЖУРНАЛА ОГОНЕК

посвященный первой конной армии

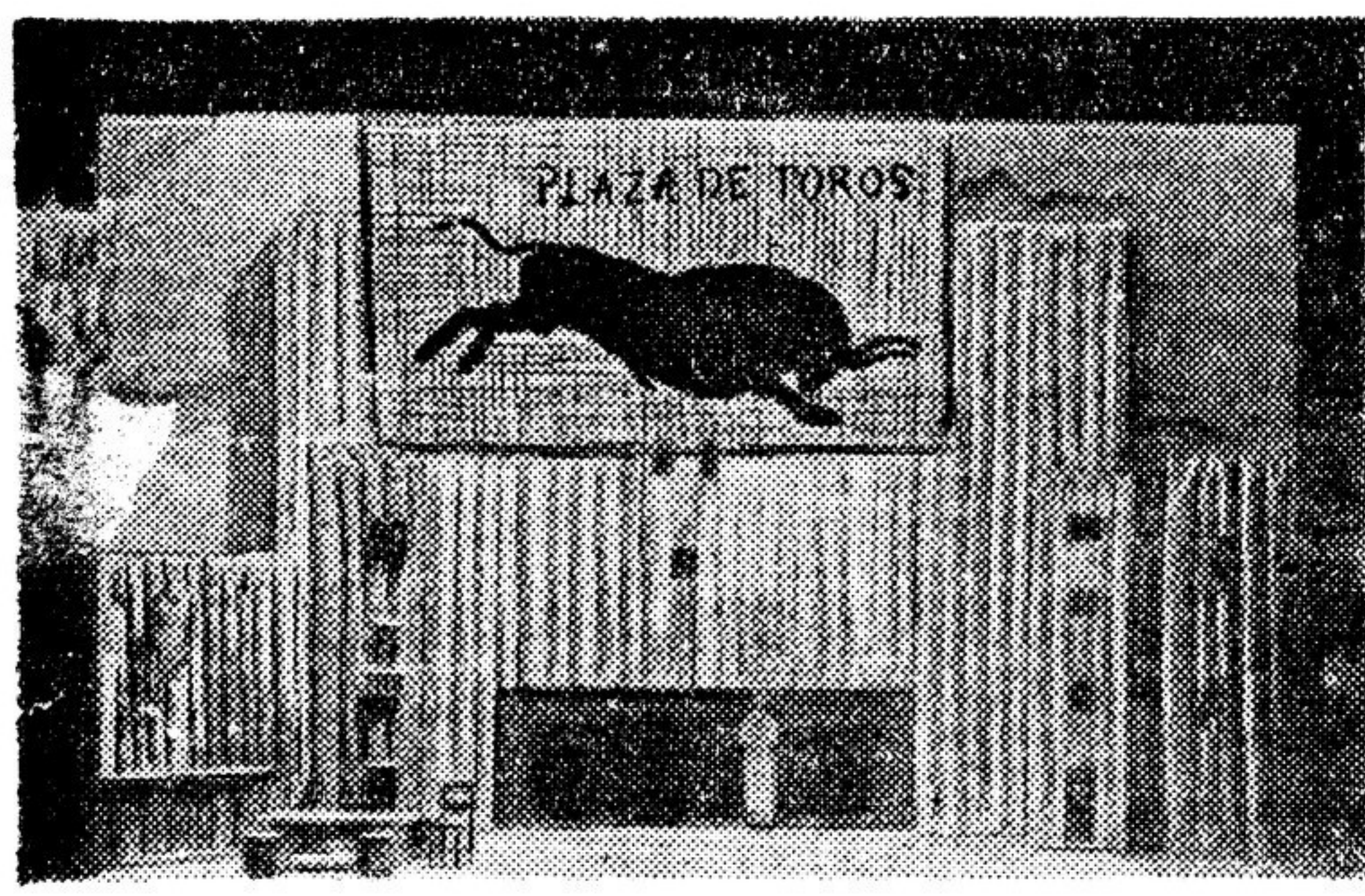
СОДЕРЖАНИЕ:

- К. Е. Ворошилов — Товарищ Сталин — организатор Первой Конной Армии
К. Е. Ворошилов — Герой Первой Конной Армии
С. Буденный — Кошачий Буденный
Разговор по прямому поводу командующего Южным фронтом с командиром Первой Конной Армии
И. Толкачев — На родине Ворошилова — очерк-воспоминание
М. Н. Буденная — О семье моего Буденного — воспоминание
А. Сурков — Пени и Семенов Буденный
Мать Ивана Тургенева — рассказ-воспоминание
Клавдия Кольцова — Спустя пятьдесят лет — очерк
С. Саввицкий — 11-я кавалерийская дивизия и славный полковник Пархоменко
Л. Сердюк — Балканские рабочие и крестьяне в компании Буденного, пашин за дело Октября
В. Коженин — Пароли — рассказ
«Книг» — Пуделетича Павлина — Рассказ-воспоминание
И. Селевский — Рассказы о Красной Кошачьей (стихи)
С. Аблязов — В бою и на тропинке — очерк
Эдуард Тессе — С киноаппаратом на боевой тропинке — воспоминание
Г. Навуиц — Давать Врагдла
Николай Васильев — Путь на Ростоки — стихи
Тар. Хадескин — Вторая школа — рассказ
Ф. Кандыба — Две подруги — очерк
Лета Лета — очерк
Г. Навуиц — Полк разгоркин бригады
Номер в красной обложке богат иллюстрациями, многокрасочные вкладыши, обложка 15 цветных листов на хорошей бумаге.
Цена 5 РУБЛЕЙ.
Заказы направляйте: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобединение, ЖУРГАЗОБЕДИНЕНИЕ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1935 год

АРХИТЕКТУРНАЯ ГАЗЕТА

Руководителем всесоюзная газета — орган оргкомитета Союза архитекторов СССР
«АРХИТЕКТУРНАЯ ГАЗЕТА» — организатор архитекторов-проектировщиков и планировщиков, имеет редакцию на традиционном высшем архитектурном фронте Советского Союза.
«АРХИТЕКТУРНАЯ ГАЗЕТА» — широко освещает вопросы советской архитектуры и ее место в социалистическом строительстве.
Особое внимание газета будет уделять творческим проблемам советской архитектуры, осветит теорию и практику различных творческих течений в советской архитектуре в свете последовательной большевистской принципиальности. Борьба за создание архитектуры, достойной нашей великой эпохи.
Проблемы связи и синтеза со смежными искусствами, живописью и скульптурой, проблемы критического осуждения прошлого и использования зарубежного опыта — в достоянии полнотой выйдут свое место на страницах «Архитектурной газеты».
«АРХИТЕКТУРНАЯ ГАЗЕТА» богато иллюстрируется — дает шаржи, карикатуры, имеет специальный иллюстрированный приложение к каждому номеру, где даются приемы и планы мастеров всего СССР, а также публикации.
«АРХИТЕКТУРНАЯ ГАЗЕТА» выходит раз в пятилетку при ближайшем участии и постоянном сотрудничестве всех крупнейших и лучших сил всего архитектурного фронта СССР.
Подписная цена: 12 мес.—15 руб., 6 мес.—7 руб., 3 мес.—3 руб. 75 коп.
Цена отдельного номера—25 коп.
Требуется по родине во всех кинескопических и книжных магазинах.
Подписки принимаются: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургазобединение, инструкторами и уполномоченными Жургаза на местах, а также непосредственно отделением почты и Союзпечати.
ЖУРГАЗОБЕДИНЕНИЕ

Балет «КАРМЕН» готовится и постанове московских Мюзик-Холлов. Балет ставит Н. ГЛАН и НОРД. На фото: макет III акта работы худ. Л. БРУНИ.

О штампах и историческом романе

Окончание. См. 3 стр.

вершавшие характеристику подробностей. Боевые Прозоровские левды, предвзятые как жалованья стрельцам (защитникам города) привозили себе («Русский архив», 1890 года) и, вероятно, на них спекулировал, скупая персидский шелк. Надобно было так изображать Прозоровских, как это сделано в романе? Другой пример использования оценок, пример, противоположный первому, можно видеть, сопоставляя два эпизода в романе Мережковского «Петр и Алексей» и в романе А. Толстого «Петр I». И в первом и во втором романе описана сцена самоубийства раскольничьих. Внешние конструкции этих двух сцен одинаковы. У Мережковского старик Корнилий готовит свою пастуху к самоубийству. У Толстого это делает старик Нестанрий. У Мережковского К. скинул подолжит каштан Пырской, у Толстого — поручик Алексей Бровкин. В обоих романах одна и та же ситуация — офицер предлагает раскольникам сдаться, те не хотят и поднимают себя. Вероятно, так это и было в действительности. Липенные пастухи, Корнилий (у Мережковского) и Нестанрий (у А. Толстого) бегут из избы через зад в лес, после самоубийства от раскола отходят «скаются правды», — у Мережковского — Тихон, у Толстого — Андрей Голыков. Но Толстой вложил новое содержание в эту ситуацию. У него в скину подолжит Христа с антихристом, а строительного нового хозяйства, раскольничьего по форме, торгового-капиталистического по содержанию. У Мережковского дионисийское начало побеждает в Тихоне, и поэтому он уходит от засекретившей жизни; Андрей Голыков — классический очерченный тип. Это один из тех илюменов начала XVIII в., которых еще не научились изображать наши писатели. Пусть он шарован еще не совсем ясно, но здесь, владывая Толстым в создании этого образа, очертания. У Промышленность XVII и начала XVIII в. в России, истерил первых мануфактур — это тема, большая сложность для советского писателя. Но марксистская историческая нау-